

ДЕТЕКТИВ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

РАСПАД

Похороны империи

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.
А13 Распад. Похороны империи / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Абдуллаев. Детектив на все времена).

ISBN 978-5-699-97222-7

Лето 1991 года. Эльдар Сафаров, молодой перспективный юрист, принят на работу в администрацию первого и последнего президента СССР. Честный и прямой человек, не привыкший поступаться своими идеалами и принципами, он никак не может понять, что происходит в стране, а главное, что ему теперь делать. Незыблемые, казалось бы, вещи внезапно перевернулись с ног на голову. Вот и банкир Эпштейн — лжец и вор, которого Сафаров посадил за решетку, — вышел на свободу в ореоле «борца против коммунистического режима»... Эпштейн прекрасно помнит, кто именно подвел его под уголовную статью — а значит, над жизнью Сафарова нависла смертельная опасность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97222-7

© Абдуллаев Ч.А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Природное стремление человека к свободе неистребимо, его можно подавить, но его нельзя уничтожить. Тоталитаризм не может отказаться от насилия. Отказавшись от насилия, тоталитаризм гибнет. Вечное, непрекращающееся, прямое или замаскированное, сверхнасилие есть основа тоталитаризма. Человек добровольно не откажется от свободы. В этом выводе свет нашего времени, свет будущего.

*Василий Гроссман
«Жизнь и судьба»*

Нельзя бездумно делать одних носителями добра, а других — злодеями, оценивая их только позитивно или только негативно. Как те, так и другие меняются в зависимости от характера общества, поколения и от существующих в это время идеалов.

Дайсаку Икеда

Революционер порывает с гражданским порядком и цивилизованным миром, с моралью своего мира. Он живет в этом мире, чтобы его уничтожить... Он знает лишь одну науку — разрушение. Для революционера все морально, что служит революции.

Сергей Нечаев

Наша революция дала полный простор всем дурным и зверским инстинктам, накопившимся под свинцовой крышкой монархии, и в то же время она отбросила от себя все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны.

Максим Горький

Глава 1

В ночь с двадцатого на двадцать первое августа решалась судьба цивилизации. Подошедший к концу двадцатый век, словно выдохшийся бегун, притормозил на одну ночь, чтобы обдумать и понять, что именно с ним происходит и в каком направлении ему следует бежать. Век, начавшийся с выстрелов в Сараево грандиозной и бессмысленной мировой бойней, в которой погибли миллионы людей и были уничтожены все континентальные империи — Российская, Германская, Турецкая, Австро-Венгерская. Век, в котором ожесточенные гражданские войны стали обычным явлением от Китая до Мексики, от России до Африки, от Испании до Кореи. Век самой крупной экономической депрессии и спада экономики, вызвавший обнищание миллионов, век, в котором на протяжении шести лет шла Вторая мировая война, обошедшаяся человечеству в пятьдесят с лишним миллионов жизней и закончившаяся трагическим эпилогом — двумя атомными бомбами, сброшенными на Хиросиму

и Нагасаки. Век зарождения фашизма, с таким трудом побежденного объединенными нациями, и изнурительной «холодной войны», когда количество накопленного оружия могло несколько раз уничтожить всю планету. Век Освенцима и Бухенвальда, Эль-Аламейна и Сталинграда, Катыни и Хатыни. Но в то же время век великих научных открытий и выхода в космос. Человечество придумает Интернет, сделает авиацию обычным транспортным средством, изобретет мобильную связь, победит многие болезни. Век объединения Европы и пробуждения Африки и Латинской Америки.

Но если серьезно проанализировать и абсолютно беспристрастно подойти к итогам трагического и такого богатого на события двадцатого века, то следует признать, что самым важным явлением столетия стало создание Советского Союза, провозгласившего новый социальный строй и давшего надежду человечеству в октябре семнадцатого года. Это столетие прошло под знаменем идей, победивших в СССР, вызвало ожесточенное противостояние двух систем и подошло к концу в августе девяносто первого года, когда цивилизация, казалось, свернула с уже намеченного пути. Идеи равенства и справедливости, о которых мечтали все предыдущие поколения, оказались несовместимыми с отсут-

ствием свободы и демократии. Рухнула не просто страна или социальный строй. Оказалась опрокинутой сама идея о возможности создания бесклассового государства всеобщего равенства и коммунистическая мечта, в которую верило так много людей во всем мире и которая была так бессовестно опорочена в тридцатые годы в СССР, во времена «культурной революции» в Китае и победы «красных кхмеров» в Кампучии.

В эту ночь почти не спал Михаил Сергеевич Горбачев, запертый на своей даче в Крыму. Он слушал зарубежные голоса и уже знал о трагедии в Москве, где погибло несколько человек. По разным источникам начали передавать уже о десятках погибших, и это было самым плохим известием за последние два дня его вынужденного затворничества на даче в Форосе. Как ни пытался он огородить супругу от подобных известий, она обо всем узнала, поэтому тоже не могла сомкнуть глаз. Умная и проницательная женщина понимала, что первая кровь может привести к необратимым последствиям, и тогда собравшиеся в Москве члены ГКЧП просто не допустят возвращения Горбачева в свой кабинет.

В эту ночь не спал и Борис Николаевич Ельцин. Вместе с группой своих сторонников он

спустился в бункер, находившийся под Белым домом. Это было бомбоубежище, выстроенное с таким расчетом, чтобы там в момент чрезвычайной ситуации могли спрятаться члены правительства. Из бункера вел выход прямо в метро, куда нужно спускаться по длинной лестнице, но его заминировали сторонники российского президента. Несмотря на запрет, они часто злоупотребляли спиртным, что вызывало раздражение у Ельцина. Он все время пытался выйти на руководителей других республик, но те либо избегали с ним разговаривать, либо уклонялись от прямых ответов. Ни один не был готов к жесткому противостоянию с союзными властями, как это делал он сам.

Западные лидеры звонили и осторожно выражали свою поддержку, однако все понимали сложное положение Ельцина и российских властей. Президент Буш пожелал вырваться из «танковых тисков». Гельмут Коль звонил, чтобы уточнить про истинное положение дел в Москве. Как только объявили о создании ГКЧП, рухнула немецкая марка. Все помнили о тысячах танков и советском воинском контингенте, все еще находившемся в Восточной Германии. Спустя некоторое время напишут, что Ельцин и российские власти были в полной изоляции. Это неправда. Хотя часть правительственных

телефонов действительно не работала, но более полутора десяткам лидеров западных стран удалось дозвониться до Ельцина.

Когда пришли сообщения о погибших, начальник личной охраны Ельцина Коржаков принял решение спасти российского президента и вывезти его в американское посольство. Уже в президентском «ЗИЛе» Ельцин категорически откажется покидать территорию Белого дома. Это был, несомненно, акт личного мужества и хорошо просчитанный политический акт. Находясь в американском посольстве, российский президент мог легко спасти свою жизнь, но навсегда загубить свою политическую карьеру. И он остался в Белом доме. Все понимали, что штурм должен состояться. На следующее утро было назначено заседание Верховного Совета РСФСР. Никто не сомневался, что российский парламент осудит действия путчистов. Сидевший рядом с Ельциным Руслан Хасбулатов что-то быстро писал, готовясь к завтрашнему заседанию. Из Белого дома снова ушел Силаев. Российский премьер не был готов умирать вместе с остальными, о чем достаточно честно и сказал Ельцину. Зато в бункер вместе с мужчинами спустились и женщины — секретари, стенографистки, машинистки, сотрудницы аппарата. Даже пожилая буфетчица тетя Нина, ко-

торой было уже за шестьдесят, присоединилась к своим молодым коллегам, не пожелав уходить из здания, обреченного на штурм. Так они все вместе и провели эту ночь в бункере в ожидании штурма.

Руслан Хасбулатов в эти сложные дни проявил себя достаточно мужественным и смелым человеком. Но, как обычный человек, провинциал, сделавший феноменальную карьеру, и преподаватель, в одночасье вознесенный на вершины власти, с этого дня он почти искренне считал себя равным Ельцину, не понимая истинного величия первого Президента России. Даже если абсолютно объективно оценивать Ельцина с огромным знаком «минус», следует признать масштаб личности этого человека, его невероятную энергетику, несопоставимую с таковой у обычных людей. А Хасбулатов не сумел или не захотел понять этого. Ведь так легко считать, что «кардинал и галантерейщик могут спасти Францию».

Не спал в эту ночь и Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Вот уже два дня ему беспрерывно звонили из Москвы. Сначала Ельцин, затем Шенин, потом — снова Ельцин и снова Шенин. Все понимали, что от его позиции может зависеть мнение и остальных шести мусульманских республик. Он старался отвечать доста-

точно осторожно, опасаясь втянуть республику в московские разборки. Назарбаев признавал, что в случае победы путчистов положение сразу изменится. Но он видел нерешительность и колебания путчистов, отмечая нарастающую волну сопротивления, и поэтому на все призывы Шенникова согласиться на срочный созыв Пленума ЦК КПСС с поддержкой деятельности ГКЧП не давал своего согласия.

Не спал председатель Верховного Совета Украины Леонид Кравчук. Спустя много лет он не будет вспоминать, как соглашался с приехавшим генералом Варенниковым и готов был ввести чрезвычайное положение на Украине, но осторожно решил немного подождать, чтобы уже через несколько дней стать ярким демократом и сторонником полной независимости Украины. А в памяти Раисы Горбачевой Кравчук останется как наиболее рьяный сторонник жестких мер в отношении всех несогласных. Сделавший карьеру в партии, Леонид Кравчук был известен как непримиримый цензор, строгий идеологический надзиратель, так много и глупо досаждавший деятелям культуры Украины. Сразу после августовских событий он превратится в истового демократа, который решительно возьмет курс на независимость своей республики. И постарается забыть свое поведение девятнадцатого авгу-

ста, когда он сказал корреспонденту программы «Время» по поводу создания ГКЧП и изоляции Горбачева: «Рано или поздно это должно было произойти».

Вечером двадцатого августа в Кремле снова собрались основные члены Комитета. Язов, как добросовестный служака, явился одним из первых и почти все время угрюмо просидел на стуле, не пытаясь что-либо сказать. Он начал сознавать, что введенные в город танки ничего, кроме раздражения, не вызвали, и поэтому мрачно молчал. Среди собравшихся были Янаев, Бакланов, Тизяков, Стародубцев. Приехал Шенин вместе с первым секретарем московского горкома Прокофьевым. Последним появился Крючков. Пуго позвонил и сообщил, что находится в своем кабинете. Он видел, что происходит в городе, понимал, в какие неуправляемые процессы все может вылиться, и знал, что из российского Министерства внутренних дел пошли распоряжения о мобилизации курсантов различных школ милиции, которые формировали отряды для прибытия в Москву. Заместитель министра внутренних дел России генерал Дунаев отправил шифрограмму начальникам Вологодской, Брянской, Рязанской, Владимирской и Орловской школ милиции, где приказывал прибыть к двадцать первому августа в Москву с оружи-

ем и боеприпасами. Пуго отчетливо представлял, в какую гражданскую войну все это может трансформироваться. Поэтому послал срочное сообщение: «Стало известно, что начальникам ряда учебных заведений со стороны руководства МВД РСФСР дано указание прибыть в Москву с оружием к утру 21 августа. Учитывая, что в Москве введено чрезвычайное положение, направление в Москву и Московскую область личного состава категорически запрещаю». Сейчас этот вопрос волновал его более всех остальных.

Крючков рассказал о положении в городе. Еще не было известно о трех погибших, но все уже понимали, что два последних дня оказались полностью провальными для созданного Комитета. Все высшие руководители страны, которые поддерживали создание ГКЧП, оказались не готовы к руководству страной в столь сложной обстановке. По большому счету, это была личная трагедия порядочных и честных людей, искренне пытавшихся спасти свою страну, остановить ее распад. Но казалось, что сама история была в эти дни против них. Энергия, зародившаяся в октябре семнадцатого и так триумфально побеждавшая на протяжении многих лет, просто выдохлась к августу девяносто первого. Никто не понимал, что именно происходит, но тысячи